

Оглавление

Глава первая. С ВОЗВРАЩЕНИЕМ	3
Глава вторая. КВАРТИРА	37
Глава третья. САНЯ И ВАНЯ	67
Глава четвёртая. ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО	92
Глава пятая. АРХИВ	119
Глава шестая. ПОДВАЛ	133
Глава седьмая. РОДНЯ	154
Глава восьмая. ОН	183
Глава девятая. СНОВА ВНИЗ	197
Глава десятая. ВЕРЕ	238
Глава одиннадцатая. ПРИЮТ	259

Глава первая С ВОЗВРАЩЕНИЕМ

Вера не была в родном городке уже сколько? Двадцать лет? Больше? Ей не хотелось считать. Для такого срока вполне подойдёт универсальное слово: давно. За столько лет у нее ни разу не возникло желания сюда вернуться, но в то же время не было, пожалуй, ни одного дня ее насыщенной событиями, разнообразной и отнюдь не скучной жизни, когда она хотя бы мимолётно не вспоминала этот город. Ее отношения с этим местом были похожи на отношения зависимых друг от друга людей: тирана и его жертвы, испытывающей патологическую привязанность к своему мучителю. Она бы ни за что не приехала сюда

просто так, в приступе ностальгии, чтобы прогуляться по знакомым улочкам, вспоминая былые времена, но в глубине души искала повод пересечь треть страны и снова оказаться здесь. Это было обыкновенное и вполне осознанное переключивание ответственности за свой приезд на сложившиеся независимо от нее обстоятельства, а конкретно — смерть ее кровной родственницы. У нее не поворачивался язык назвать умершую женщину матерью, но, как бы там ни было, она имела право претендовать на опустевшую квартиру.

Вера долго думала, как лучше поступить. С одной стороны, такое наследство ей было и даром не нужно: убогая однокомнатная квартирка в хрущёвке на окраине богом забытого городка, который с каждым годом всё больше превращался в город-призрак. Инфраструктура стремительно умирала вместе со старшим поколением, молодёжь в большинстве своём уезжала в крупные города, на приток населения рассчитывать не приходилось. Упадок и запустение. С другой стороны,

свойственная ей практичность не позволяла просто взять да и наплевать на жилплощадь, за которую, возможно, удастся выручить хотя бы небольшие деньги. Несмотря ни на что. К тому же вот он — долгожданный повод прикоснуться к своему прошлому, убеждая себя в том, что «куда деваться, пришлось».

Воспоминаний об этой квартире у Веры не было и быть не могло — с трёх лет она жила в местном детском доме. Тем же фрагментам, изредка всплывающим в памяти, которые можно было бы отнести к совсем раннему детству, Вера не доверяла, потому что они были слишком яркие и солнечные, никак не соответствующие хмурому, серому городишке. Поэтому она приучила себя считать их иллюзией, созданной ее воображением, чтобы скрыть за этой завесой истинное положение вещей.

И вот, оказавшись спустя столько лет снова в этом месте, Вера хотела бы еще раз сказать, что ее не волнуют причины, по которым мать отказалась от нее, тем самым лишив не только счастливого детства, но и во-

обще какого бы то ни было детства, — хотела бы так сказать, но не могла. Ей казалось, что пришло время найти ответы на вопросы, задавать которые даже самой себе, не говоря о других, она отказывалась все эти двадцать (или сколько там) лет.

Свой приезд Вера расценивала как последний шанс узнать, что же произошло тогда и с ней, и с той женщиной, чью квартиру она собиралась унаследовать, что послужило толчком к непрерывной череде страданий, которые она усилием воли вычеркнула, выбросила из своей жизни, точно лист с неправильно выполненной контрольной работой. Но на следующем листе школьной тетради отпечатались чуть заметные бороздки от текста — написанного, а затем уничтоженного. И эти бороздки так и просились быть затёртыми мягким грифелем простого карандаша, дабы проявились старые ошибки. Ошибки, совершенные не ею, но роковым образом повлиявшие на ее жизнь.

Разумеется, гостиницы в городишке не было — кому взбрѣдет в голову по доброй

воле гостить здесь, к тому же еще и за деньги? Другого варианта, как только остановиться в пустующей квартире, у Веры не было. И ее это абсолютно не радовало. Спать в постели, в которой спала бывшая, ныне покойная, хозяйка квартиры, есть из посуды, из которой ела она, — всё это вызывало брезгливость и раздражение.

— Ну ладно, ладно, — шёпотом уговаривала она себя, разбирая привезённые из дома вещи и раскладывая их по местам. — Не надо себя накручивать. Просто постараться разделаться с этим как можно быстрее.

Наутро она посетила нотариальную контору, открыла наследственное дело и даже провела предварительные переговоры с риелтором, хотя до получения на руки свидетельства о собственности было еще далеко. Месяца полтора, а то и два. Если, конечно, в течение ближайших четырёх недель не объявится другой законный наследник — законный муж покойной Светланы Леонидовны. Вера понятия не имела, где он находится и жив ли вообще.

Риелтор, как и следовало ожидать, не дал никаких гарантий.

— У нас тут, знаете ли, не Москва. Каждый месяц по три-четыре квартиры на продажу выставляю, а продаю — одну в два-три месяца. Спроса нет, сами понимаете. Все разъезжаются. Молодёжь остаётся только та, что привязана к престарелым родителям, да у кого денег нет на учёбу в области или в столице.

Вера пообещала вернуться, как только документы окажутся у нее на руках, и обсудить вопрос продажи более детально. Она работала в службе безопасности одного из банков, всю работу вела удалённо, поэтому могла какое-то время спокойно пожить в этом богом забытом месте, не выпрашивая у начальства внеочередной отпуск.

На могилу женщины, от которой Вере досталась квартира, она пошла не сразу. Ее обуревали противоречивые чувства: от чувства вины до чувства обиды, граничащих с ненавистью. Но, в конце концов, она решила, что взглянуть на могилу нужно. Интуиция под-

сказывала: на кладбище можно обнаружить кое-что полезное.

Кладбище было обширным и занимало почти всю территорию между городом и соседней деревней. Оно и неудивительно: город образовался из небольшого поселения, которое возникло здесь еще до войны, в пятидесятые годы прошлого века, и все его жители, не разъехавшиеся по стране, рано или поздно получали свой посмертный загородный участок на этой территории.

Вера без особого труда нашла сторожа, мужичка лет шестидесяти, который в обеденное время уже был навеселе, и с его помощью отыскала нужное захоронение. Сторож оставил ее около могилы и удалился, что-то бурча под нос.

Холмик выглядел довольно свежим. Над ним возвышался самый обычный деревянный крест, рядом с которым лежали пара чахлах венков да несколько увядших и высохших хризантем. На табличке, прибитой к кресту, Вера прочитала:

Порошина Светлана Леонидовна

05.08.1958 — 13.04.2024

Прошло уже пять месяцев со дня смерти похороненной здесь женщины, но Вера до сих пор не понимала, какие испытывает эмоции.

Она прекрасно сознавала: та, что лежит в этой могиле, — это ее мать, женщина, которая дала ей жизнь. Но сердце задавало такие вопросы, на которые ум даже не хотел искать ответы.

— Почему? — всё же спросила Вера вслух, глядя на крест. — Почему я не помню детства, почему я совсем не помню тебя? Почему ты меня отдала, мама?

Дул сильный ветер, над головой носились серые тучи. Было сыро и холодно. Слишком холодно для середины сентября. Вера, натянув капюшон поверх шапки и уткнувшись подбородком в намотанный на шее шарф, решила пройтись по кладбищу.

Странное дело: каждый человек, посетивший это печальное место, норовит прочесть как можно больше табличек с именами тех,

кто здесь похоронен. Он смотрит на изображения, выгравированные на гранитных памятниках, и гадает, что же послужило причиной смерти. Если видит молодую женщину или юного парня, то качает головой. Охает, заметив, что целая семья скончалась в один день. И с уважением и пониманием относится к датам жизни и смерти, — ну что же, пора, — если получается весьма почтенный возраст покойного.

Но особо ужасают на кладбище детские могилы.

Миновав буквально три могилки от места упокоения Светланы Леонидовны, Вера замерла. Совпадение? Однофамильцы? Случайность? Но часто ли на таком близком расстоянии друг от друга хоронят людей с одной фамилией, которые не приходятся друг другу родственниками?

Сфотографировав табличку, Вера посмотрела на полученное фото, словно ожидая увидеть там надпись, отличную от той, которую видела минуту назад, но текст был тот же:

Порошина Ирина Анатольевна

15.09.1986 – 21.12.1986

— И как это понимать? — в замешательстве пробормотала она, делая пару шагов влево.

Снова знакомая фамилия!

— Порошин Вячеслав Анатольевич, — не веря своим глазам, прочитала Вера. — Родился в апреле восемьдесят пятого, умер в октябре восемьдесят пятого. Что за чертовщина такая?

Сфотографировав и эту скромную могилку, она прошла еще немного влево. Очередная вспышка. Очередное фото. И вновь невольная дрожь во всем теле...

— Да что здесь происходит? Или происходило... — жалобно взывала она неизвестно к кому, увеличивая на экране изображение последней таблички:

Порошина Екатерина Анатольевна

19.10.1983 – 24.01.1984

Могилки были небольшими, без гранитных памятников и цветников, но выглядели ухоженными по сравнению со многими могилами в этом и соседнем ряду. Вера предположила, что покойная Светлана Леонидовна поддерживала чистоту и порядок на этих трех участках, пока была жива.

У всех троих детей, похороненных здесь почти сорок лет назад, да и у самой Веры, было общее отчество. Кто такой Порошин Анатолий, если у него была такая же фамилия, Вера не знала и одно время подозревала, что ее настоящий отец вообще не знает о ее существовании, а в свидетельство о рождении вписано случайное имя. Теперь же, глядя на три маленькие старые могилы, Вера впервые подумала, что некий Порошин Анатолий может быть вполне реальным человеком. Неизвестно только, жив он или мёртв.

Еще какое-то время она провела возле могилок, на каждой из которых значилась ее собственная девичья фамилия, затем осмотрелась вокруг и, убедившись, что других

Порошиных поблизости не захоронено, направилась к выходу с кладбища.

— Спасибо за помощь, — сказала она сторожу, который явно добавил стакан-другой к обеденной порции, и протянула ему двухсотрублёвую купюру. — Простите, а как ваше имя-отчество?

Мужичок в вязаной шапочке не первой свежести вытащил руку из кармана ватника:

— Пётр Васильевич я.

— Скажите, пожалуйста, Пётр Васильевич, а вы знаете что-нибудь о женщине, к могиле которой вы меня сегодня проводили, и о ее, судя по всему, детях, которых похоронили здесь сорок лет назад?

Сторож шустро спрятал в карман зелёную бумажку, достал сигарету и, прикрывая ее сухой, морщинистой, загорелой ладонью от ветра, пытаюсь прикурить, ответил:

— Знаем, ага, как же не знать. У нас город маленький, а с местными жителями, — он окинул взглядом кладбище и коротко хохотнул, — я знаком получше, чем с городскими. Я же тут уже сколько... Лет пятна-

дцать работаю. Тут и живу. Как Шура моя померла, так я сюда, поближе к ней, и перебрался. Сам-то я инвалид. — Пётр Васильевич приподнял штанину, показав старый протез в башмаке.

Вера отметила, что никогда бы не предположила подобное, глядя на его резвую походку.

— Я, милка, уже давненько без ноги. Так что мне только в сторожа и дорога. Сперва думал школьным сторожем пойти, но передумал. Да здесь спокойнее, тише. А Порошину... Знал я Светлану плохо — здрасьте, до свидания. Шура моя с ней разговаривала иногда. Светлана часто приходила сюда, раз в месяц так точно. За могилками ухаживала, убирала, сорняк вырывала, карамельки и печенье исправно приносила. Всё мечтала памятники поставить, да где ж ей было денег-то столько взять. А месяцев пять назад и сама преставилась... Рак у ней был. Она и не знала, а как узнала, так уж и поздно было что-то делать. Теперь уж точно памятников не будет, да и могилки травой порастут. Приходить-то

теперь некому. На похороны всем миром собирали.

— А что с детьми ее тогда случилось, вы не знаете? — Вера зябко поёжилась.

Пётр Васильевич отвёл мутный взгляд, затанулся сигаретой и печально вздохнул.

— Не знаю я. Светлана не говорила никогда. Только Шура моя рассказывала, что Порошина... Как это сказать правильно... Проклята, что ли... — Сторож помотал головой. — Ты уж прости, что я такое говорю. Сам-то я в подобное не верю, но что же с ней такое произошло, что она подряд троих деток схоронила? Это было еще до нашего с Шурой переезда сюда. Мы с Шурой перебрались в город в девяностом, вместе с сыном. Я тогда на железной дороге работал. Там ногу и потерял потом... А дальше всё, как у всех: сын вырос и уехал, станцию у нас закрыли, Шура умерла, а я вот тут теперь понемногу спиваюсь... — Пётр Васильевич махнул рукой и покачнулся.

— Что ж сын вас к себе не заберёт? — не сдержалась Вера, мысленно ругая себя за вмешательство в чужие дела.